

Трудные годы

В Кисловодске проживает пенсионер Долинский Михаил Степанович. За его плечами большая жизнь. На заре Советской власти он являлся депутатом Павлодарского Совдепа, членом исполкома, комиссаром товарищества кооперативов. После белогвардейского переворота в Павлодаре находился в застенке. Но и в тюрьме вместе с товарищами не складывал оружия, продолжал борьбу с врагами. Долинский входил в редколлегию подпольного рукописного журнала, издававшегося заключенными.

Старейший рабкор, один из активных участников рабселькоровского движения у нас в крае М. С. Долинский не оставляет свое перо, по-прежнему сотрудничает в печати, борется оружием слова с недостатками и их носителями. Один из первых участников литературного движения, член Терской организации пролетарских писателей, он по настоящий день пишет стихи, безотказно помогает начинающим поэтам.

Ниже мы печатаем главы из воспоминаний М. С. Долинского.

Седой, богатый сибирскими снегами и событиями, январь восемнадцатого года. Ясные морозные дни. Мы с братом Иваном возвращались с румынского фронта. Наш маршрут лежал через Омск, Татарск, Славгород в село Ольгинку, затерявшуюся в целинных степях Восточного Казахстана, в шестидесяти километрах от Павлодара.

В Славгороде встретили еще двух солдат-односельчан. Зашли в земскую управу.

— Нас вот четверо, с фронта. Идти далеко. Просим подводу.

Чиновник управы зашевелил бакенбардами:

— Все фронтовики — большевики, а большевиков мы не возим!..

Чиновник, видимо, уже чувствовал близкий конец земской управы и мелочно мстил нам.

Пришлось идти пешком. Более ста километров отшагали в лютый мороз напрямик по твердому скрипучему снегу бескрайней равнины.

И вот мы дома, в бедной, только в четырнадцатом году заселенной Ольгинке. Почти все население — выходцы с Украины. Низкие «дерновые» хаты. Потолков нет: их заменяют почти плоские глинобитные крыши.

В феврале—начале марта свирепые бураны так заметают село, что чужие подводы, не зная дороги, едут по крышам. Война и три года неурожая довели переселенцев до крайней нищеты.

Вскоре нас пригласили на сельскую сходку:

— Расскажите нам, хлопцы, що робыться на билим свити...

Оказалось, что в села и аулы степной глухомани с трудом проникали вести о

революции. Земские власти умышленно скрывали правду о свержении Временного правительства, о победе Советской власти.

Слухи бродили по степи самые невероятные, порой до смешного наивные:

— Кажуть, що Кереньский сыдив у царських палатах, а якыйсь Ленин зайшов з большевиками у ти палаты та й каже: «Встань буржуйський наймыт з нашого кресла!»

Так «объяснил» Октябрьскую революцию пожилой добродушный полтавец Гнат Зозуля. Чтоб толком рассказать, «що робыться на билим свити», один из фронтовиков подошел к столу, попросил слова:

— Товарищи! В словах Гната Андреевича есть доля правды. Конечно, «встань з нашего кресла» — выдумка. А правда в том, что руководимый Лениным восставший народ действительно «попросил» Керенского встать с царского кресла, да так, что он, бедный, в женской одежде еле удрал за границу.

В адрес Керенского посыпались украинские эпитеты, по «крепости» не уступающие запорожским в знаменитом письме турецкому султану.

Когда в переполненную хату вернулась тишина, оратор продолжал:

— Еще 25 октября Временное правительство арестовано. По всей России теперь не буржуйская, не помещичья, а наша рабоче-крестьянская Советская власть. Она уже пришла в Сибирь и скоро будет у нас. А возглавляет эту власть защитник бедноты, вождь революции, наш батько Ленин!

Сходка загудела ликованием. Стоявший в лохмотьях старик Семен Безгрешный снял облезлый малахай и перекрестился:

— Слава тебе господи!

Он низко наклонил голову, как бы рассматривая вылезший из пасти рваного валенка клочок соломы, и смахнул слезу наушником малахая...

К столу протиснулся любимец села, остро слов и шутник Иван Секрета:

— Як що, хлопци, вы не брешете, то за цю новынку, як будете женьгысь, мы за вас найкращих дивчат посватаем!..

И добавил, почесав затылок:

— Эх, жалко, братья, нема горилкы...

2.

В конце февраля большевистская организация Павлодара обратилась ко всем крестьянам и казахам с воззванием прислать делегатов на уездный съезд для организации Советской власти.

Павлодар... Помню его захоластным кержацко-купеческим городишкой. Одноэтажные бревенчатые дома глотали пыль немощных песчаных улиц. Теперь — это областной индустриальный центр Прииртышья, краса и гордость Целинного края!

Горячо откликнулось население на призыв большевиков: со всех сел были посланы делегаты. Меня послала Дубровская волость. На первом заседании я был избран в мандатную комиссию съезда. За время работы комиссии хорошо ознакомился с делегатами.

В обстановке жестокой, непримиримой борьбы с эсерами, меньшевиками, белоказачьими офицерами, баями и кулаками в начале марта восемнадцатого года съезд избрал первый Павлодарский Совдеп. В числе других делегатов я был избран членом исполкома.

Совдеп вынес важнейшие решения о проведении в жизнь ленинских декретов о земле, национализации крупных торгово-промышленных предприятий, банков, шахт Экибастуза, соляных озер, лесных угодий, земель в пойме Иртыша и других народных богатств, принадлежавших эксплуататорам.

Через две недели после съезда Совдеп получил из Москвы несколько портретов.

— Ленин!

С чувством огромной радости повторяли мы это слово, рассматривая лицо никогда не виденного и такого близкого нам человека. Портреты переснял лучший в городе фотограф Дмитрий Багаев. Маленькую репродукцию получил каждый член исполкома.

Напряженная работа Совдепа встречала яростное «сопротивление» эксплуататоров, наталкивалась на саботаж эсеров, меньшевиков.

В Павлодарском товариществе кооперативов, где я по назначению Совдепа работал комиссаром, правление целиком состояло из эсеров и меньшевиков. Именуя «себя кооператорами-«народниками», они агитировали за Учредительное собрание и требовали невмешательства в их работу.

Помню такой эпизод. Подходит ко мне

член правления Иван Стерликов. Ехидно улыбаясь в пепельную бородку, спрашивает:

— Итак, товарищ совдепщик, вы пришли к нам комиссарить?

— Да, я пришел к вам комиссарить.

— Комиссарить над кооперацией?

— Нет, не над кооперацией, а над вами.

— Почему же это над нами?

— Потому что эсеры и меньшевики — противники Совдепа.

Стерликов мрачнеет, пепельная бородка злобно подпрыгивает:

— А знаете ли, молодой человек, что вы одурачены: Совдеп—власть незаконная!

— Нет, я не одурачен: это вы меня хотите одурачить... а какая же по-вашему власть законная?

К Стерликову возвращается благодушная улыбочка. Он подходит ко мне вплотную и певуче провозглашает:

— То-о-олько Учредительное собрание!

3.

Окрыленный первыми успехами, Павлодарский Совдеп, как и другие Совдепы Сибири и Казахстана, недооценил силы своих врагов.

Стужались тучи контрреволюции над Омском, Семипалатинском, Барнаулом. Выброшенный на свалку истории монархический сброд поднимал голову. Как после выяснилось, в какой-нибудь полуверсте от Совдепа, в станице Белоказачьей подпольная организация Белоказачьих офицеров готовила восстание. Мятеж чехословацкого корпуса в Самаре послужил сигналом к разгулу белогвардейщины.

В начале июня 1918 года Павлодар захватили белоказаки. Конные мятежники в сапогах носились по городу, по адресам, указанным предателями, хватили совдеповцев.

Вечером привели меня в большую канцелярию станичного атамана.

— Еще одного пымали, господин атаман! — доложил рыжий казак с тупым мясистым лицом.

Сидевший за столом белобородый старичок уставился на меня злыми водянистыми глазами:

— Вешать их надо! — прохрипел он и нервно заерзал на стуле.

Во время обыска из кармана моего пиджака вынули маленький портрет Ленина.

— А енто хто у тебя?

— Отец...

Казак недоверчиво посмотрел на портрет и протянул напарнику:

— Васька, гляди: у большевика отец при галстухе.

Врет, поди...

Васька присоединил портрет к отобранному вещам:

— Шут с ним, начальство разберет: может, и в сам деле родитель...

Меня втолкнули в станичную каталажку, набитую заключенными. А через несколько дней усиленный конвой препроводил арестованных в павлодарскую тюрьму.

4.

Твердо веря в торжество Советской власти, заключенные совдеповцы не падали духом. Несмотря на окрики часовых и стрельбу по окнам, революционные песни рвались сквозь решетку.

Через приходивших на свидание жен и матерей мы расширяли связи с внешним миром, были в курсе событий.

По инициативе редактора первой павлодарской советской газеты Ладохи у нас появился конспиративный рукописный журнал «Тюремный вестник». В его редколлегию входили Ладоха, учитель Ермаков, Кулик, автор этих строк и еще несколько товарищей. Весь материал журнала старательно писали печатными буквами и под каждой статьей или заметкой — псевдонимы.

Журнал призывал к большевистской стойкости, а население Павлодара — к свержению белогвардейского режима. Передавался он на волно через приходивших на свидание надежных людей.

Когда до нас дошли слухи об освобождении Самары и Уфы, мы горячо поздравляли друг друга, Ладоха откликнулся на это событие стихами. К сожалению, сейчас помню только одну начальную строфу:

Ура, друзья, Самара пала!
Разбит реакции оплот...
И вот уже к горам Урала
Освободитель наш идет!

В конце ноября девятнадцатого года, перед полным разгромом колчаковщины, в павлодарской тюрьме разыгралась кровавая трагедия. Отряд отступавших белобандитов генерала Дутова ворвался в тюрьму и штыками заколол 32 человека (в том числе одну женщину).

Всех политзаключенных палачи не успели уничтожить только потому, что под напором Красной Армии и партизанских отрядов вынуждены были спешно удрать к границам Китая.

Бывший член исполкома
Павлодарского Совдепа
Мих. Долинский.